

Николай Чернышевский

**ВРЕД
БЕЗРАССУДСТВА**

РАССКАЗЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-49

Чернышевский, Н.

Ч-49 Вред безрассудства / Н. Чернышевский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 240 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63590-5

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — русский философ-материалист XIX века, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, энциклопедист, литературный критик, публицист и писатель.

«Вред безрассудства» — цикл лаконичных, остроумных и пронзительных рассказов, в которых автор, скрываясь за фигурами других рассказчиков, противопоставляет «старых» и «новых» людей и утверждает странную в глазах обывателя, но свободную от лицемерных условностей новую мораль. Темы, затронутые Чернышевским в прозе, не теряют своей актуальности и в XXI веке и будут интересны широкому кругу читателей.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-63590-5

© T8RUGRAM, 2018

Содержание

Приключение друга	5
Духовная сила	18
Влюбленный	26
Сходство мнений	32
Бхагават-гиты	33
На правом боку	35
Покража	42
Сцена вторая	45
Сватовство герцога	47
Сен-симона	47
Герцог Альба	50
Сцена третья	52
Письмо	53
Письмо	55
Это не сказка	56
Наталья Петровна Свирская	67
Письмо	78
Сцена	81
Ужасно!!!	83
Чингизхан	92
История Елизара Федотыча	98
Видели ль вы?	106
Невеста	110
Хохол	114
Не всякую пятку хватай	116
Новые сцены	119
Письмо	120
Вред безрассудства	121

Николай ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Из дорожных воспоминаний.....	122
Намение на кровле.....	124
Теория и практика.....	134
Пониманье	234

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДРУГА

Со мною не могло быть ничего такого. Я человек одинокий, никого не люблю, меня никто не любит, — какие огорчения в жизни могут быть у меня? Иной раз чувствуешь подагру или небольшую одышку, остальное все благополучно. Но бывает иногда досадно, когда видишь ошибку.

В молодости мы служили вместе с одним тоже отличным человеком. Он вышел в отставку, уехал в деревню, нажил детей, как следует. Провел в этом занятии лет двадцать пять, и вдруг я получаю от него письмо такого содержания, что, дескать, по старой дружбе, похлопчи: сын мой, говорит, прекрасный молодой человек, но имел несчастье влюбиться в девушку без состояния и даже не нашего сословия, а дочь соседнего управляющего, — я, пишет это мне отец, не спорю, что она прекрасная девушка, но не пара: потому он выкинул такую штуку, что увез ее, и где они теперь, неизвестно; а надобно полагать, скорее всего, в Петербурге, потому что, — все он пишет, — у моего сына нет ничего, ускакал с двумястами целковых; и что теперь он с нею едят, неизвестно, а надобно полагать, что сидят не евши; и хотя, — пишет он, — я очень досадовал, но отцовское сердце заговорило, да и мать этого повесы просит: неужели, говорит, мы уморим сына с голоду? — Потому, — он пишет, — старый дружище, поищи ты моего парня. Счастье наше с женою будет, если они не повенчаны; но не смеем и надеяться на это: как бы не повенчался, безумная голова, то давно бы написал, попросил прощения. Но ты скажи, что все прощаем. Голы они и босы, надо полагать, — ты их экипируй прилично, чтобы

не стыдно было показаться в нашу здешнюю публику как следует сыну богатого помещика и его жене; когда повенчались, то уж дочь и она, толковать нечего; ну, экипаж тоже возьми, посади их да и отправь к нам в Бугуруслан, обнадеживши, что примем с ласкою и благословением и попреков не будет. Приметы же: сын — вылитый, как я был в те годы, лишь с окладистою бородою; а борода черная. Она же лет 19, маленькая, хорошенькая, востроносенькая, глаза серые, волоса шатеновые; а если не забыл, то похожа на нашу бывшую генеральшу Назаренкову, когда генеральша еще была в девицах.

Ладно, я говорю: поищем.

Послал своего Игнатия Трофимовича в Адресный стол, — там ему дали штук до пятнадцати Гусевых, молодых людей, и женатых и холостых: он всяких брал, на оба, знаете, случая. Проездив, в два утра, три целковых, возвратился с тем, что так ни один и не подошел под приметы. Однако, я сам съездил к двоим, которые казались поподходящее других на его глаза: точно, и они не подходят. Один женат на брюнетке, другой тетку показал: вот, говорит, удостоверьтесь от тетушки, что все наше семейство коренные петербургские жители, безвыездные, а если этого не довольно вам, то прошу вас, отправимся к отцу-матери моей супруги, они живут в Большой Офицерской в доме Рашетта. Нет, говорю, верю. Написал своему старому однокашнику: из пятнадцати человек ни один не подходит под твоего сына с его женою ли, любезною.

Получаю от моего Гусева ответ: не прост ли ты, друг? Как же ты хотел, чтобы молодой человек с девицею ли или женою, но благородною, скрывающимися от родителей, жили под настоящим именем?

Точно, думаю, прав старик; а вот я тоже старик, но немножко опростоволосился. Ладно, поищем по приметам, наведем справки. Дал в этом смысле инструкцию своему Игнатию Трофимовичу, он подобрал себе в пособие человека два-три таких нюхальщиков, пошли нюхать по Петербургу. И сам я старался узнавать. Но, конечно, в таких вещах скорее можно доискаться по мелочным лавочкам и от дворников, и притом же их целых четверо искало, а я один, — не мне, а им и случилось напасть на след.

Живут на Петербургской, на Малом проспекте, в доме вдовы чиновницы Хрисанфовой; приехали в Петербург назад тому четыре месяца; повенчаны; паспорт у мужа: чиновник канцелярии казанского прокурора, Рукавишников, уволен в Петербург на полгода. Приметы все те: высокого роста, смуглый, волоса черные, курчавые, нос орлиный, лицом красив, борода окладистая. И жена по всем приметам та самая. Живут бедно, в лавочку не должны, а есть слух, что стали должать хозяйке.

Должно быть, они самые. Отправился туда. «Дома чиновник Рукавишников?» — знаете, домишко самый беднейший, весь-то и с двором трех тысяч не стоит, дворника нет, спрашиваю стряпуху. — «Барина, говорит, нет, он каждое утро бегаёт искать, должности какой не найдет ли, или так работы. А барыня дома». — Ну, думаю, оно и лучше, что его нет, переговорю с хозяйкою, не знает ли она чего, чтобы ещё не влопаться, мимо да в лужу: может быть, ведь и не они. — Нет, я говорю кухарке, с молодой барыней мы после поговорим, а прежде ты проведи меня к своей барыне.

Ну, женщина немолодая, неглупая, сначала было пе-

ресконфузилась, потому что, точно, женщина небогатая, с нашим кругом не имеет знакомств, — с какой стати пожаловал? — но поразговорились, увидели друг в друге благородных людей, у ней рассеялось это, знаете, подозрение, не волокитствовать ли я хочу, стала говорить откровенно. Точно, говорит, я могла заметить из их разговора, что тут что-нибудь не так. В паспорте прописаны имена Павел Андреевич и Марья Степановна, и они сами при мне так называют друг дружку и в разговорах со мною и с кухаркою, — а обе мы несколько раз слышали, что она его зовет Гриша, а он ее Зина. Но, говорит, такие прекрасные молодые люди, и не только я, даже Агафья так их полюбила, что мы не подаем им никакого вида, что у нас есть подозрение; а тем больше, чтобы стали мы говорить кому об этом, — а ваше дело дружеское, то перед вами открыть считаю не болтовнею.

Когда она сказала мне это, я сейчас справку по письму: так, молодой Гусев Григорий. Значит, не оставалось бы сомнения; но я все-таки говорю: а нельзя ли мне взглянуть на нее, незаметно для нее? — Можно, говорит, пойдемте, я скажу ей, что вы осматриваете все комнаты, потому что хотите снять мой домишко под свою канцелярию. — И то дело, говорю, пошли. Точно, молодая женщина, лет 19 или 20, — на генеральшу Назаренкову в девицах мало походит, потому что я был в ту генеральшу влюблен, и в девицах, и в генеральшах, значит, подобных ей нет на земле; но если бы другой посмотрел, сказал бы: точно, для краткости в описании можно сказать, что есть сходство.

Хозяйка ей объяснила, по какому случаю я тревожу ее своим входом, — я прибавлял от себя извинение, она отвечала, я еще — она тоже, — видит, что я заговариваю, по-

просила садиться, — поговорили минут с пять, я, чтобы не было опять и у ней какого-нибудь мнения обо мне, не стал сидеть, раскланялся, ушли опять к хозяйке. Теперь уж не было сомнения, что, точно, удалось отыскать настоящую парочку. Узнавши от хозяйки, когда застать его, приезжаю на другой день. — «Дома Рукавишников?» — «Дома», говорит кухарка. Прекрасно.

Вошел, — сидели обнявшись, как нежные голуби, ворковали, вскочили, она покраснела. — «Прошу извинения, сударыня, но по делу, и, как надеюсь, увидите, не такой человек, чтобы вы меня конфузились. Позвольте мне поговорить сначала наедине с вашим супругом, который ничего не может услышать от меня, кроме приятного для вас и для него». — Они, знаете, занимали две комнаты; она ушла. Я к нему, знаете, без больших предисловий:

— Ваше имя — Григорий, не так ли? Поверьте, что я руковожусь ничем иным, как искренним расположением.

— Позвольте мне ближе узнать цель вашего вопроса, он говорит.

— Извольте, я говорю. Я бывший сослуживец отставного капитана лейб-гвардии Гусева, живущего в своем поместье в Бугурусланском уезде.

— Очень приятно, он говорит. Я слушаю вас, говорит.

— У него есть сын Григорий; этот молодой человек увез девушку, жениться на которой отец не позволял ему, — поэтому, повенчавшись, молодые уехали, — в Петербург; у них не было денег, они должны нуждаться; но они совершенно ошибались, не надеясь на примирение со стариком и старухой Гусевыми. Старик от имени своей жены и своего просил меня найти сына, уверить его в их родительской любви, пригласить их возвратиться.

— Все это очень любопытно, говорит молодой человек. Признаюсь, я слушаю вас с большим интересом. Прощу вас, продолжайте. — Сам заметно меняется в лице, но с бодростью, к лучшему, — будто мои слова оживляют его.

— Я кончил, говорю я.

— Кончили?

— Да, говорю.

Он вдруг вспыхнул и побледнел. Долго молчал, — видно было, что борется с собою. Потом с усилием проговорил:

— Вы ошиблись, милостивый государь. Я не Гусев.

— Я забыл договорить: я имею на руках деньги от старика, моего приятеля.

— Я это понимал, милостивый государь. Но я не Гусев.

Разумеется, мы говорили громко — что я пожелал быть наедине с ним, так ведь это больше только форма. — Как он сказал это во второй раз «я не Гусев», она как будто застонала в той комнате.

— Не к чему это, я говорю, знаете, уже строго, как пожилой, опытный советник. — Вы слышите, я говорю, — пожалейте ее; из пустой щепетильности нечего скрываться. А если вы сомневаетесь, то совершенно напрасно.

Он свое: — Вы ошиблись, я не Гусев.

— Но вы не Рукавишников.

— Если вы это знаете, то да. Надеюсь, что не обратите во вред мне это сведение.

— Не о том разговор, чтобы я стал вредить, а берите деньги да поезжайте с богом.

— Не могу, потому что я не Гусев.

Я уже вовсе с досадою говорю ему: — Вы жестокий упрямец. Пожалейте вашу жену.

Он закрыл глаза рукою и опять с большим усилием сказал: — Ну, пусть она решает сама. Зина!